

С.А. Красильников*

S.A. Krasilnikov*

**Р.И. Эйхе и его мартовский Пленум
(Новосибирск, 16–18 марта 1937 г.)****R.I. Eiche and his March Plenum
(Novosibirsk, March 16–18, 1937)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-5

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-5

УДК 94(47)–1937/1938

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Красильников С.А. Р.И. Эйхе и его мартовский Пленум (Новосибирск, 16–18 марта 1937 г.) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 5. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-05.pdf>

Krasilnikov S.A. R.I. Eiche and his March Plenum (Novosibirsk, March 16–18, 1937) // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 5. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-05.pdf>

Abstract: The February-March Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks entered the history of not only the party but also the country as a whole marking the beginning of large-scale state terror against all sectors of society. Tensions in the upper echelons of power inevitably shifted to the regional level. Events on the ground had to confirm the readiness of the regional leadership to implement the most stringent directives of the Center. This publication, based on an analysis of the transcript of the three-day Plenary Meeting of the West Siberian Regional Committee of the Party in the second half of March 1937 is designed to answer questions about how capable regional managers turned out to be. Considering the state of the party's organizations in the region, the level of educational and professional characteristics, the experience of the nomenclature's activity, the author concludes that the regional cadres were disoriented by the new requirements for the election of the party and Soviet bodies. The leader of the party R.I. Eiche, who could not overcome the inertia and routine of the positions of local leaders on key issues of party, state and economic activities, also experienced a state of nervousness and uncertainty. The debate on the relationship in the management work of the principles of professional competence and "Bolshevik vigilance" also remained unfinished.

Keywords: February-March Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks 1937; intra-elite contradictions; R.I. Eiche; regional nomenclature.

The article has been received by the editor on 14.01.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. вошел в историю не только партии, но и страны в целом, положив начало крупномасштабному государственному террору против всех слоев общества. Напряженность, возникшая в верхних эшелонах власти, неизбежно переместилась на региональный уровень. События на местах должны были подтвердить готовность регионального руководства реализовать самые жесткие директивы Центра. Данная публикация, основанная на анализе стенограммы трехдневного Пленума Западно-Сибирского крайкома партии второй половины марта 1937 г. призвана ответить на вопросы о том, насколько региональные управленцы оказались способными к этому. Исходя из состояния партийных организаций края, уровня образовательных и профессиональных характеристик, стажа номенклатурной деятельности, делается вывод о том, что региональные кадры были дезориентированы новыми требованиями выборности в

* **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Research Worker, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); Professor, Novosibirsk State University, e-mail: krass49@gmail.com

партийные и советские органы. Состояние нервозности и неопределенности испытывал и сам партийный лидер Р.И. Эйхе, которому не удалось преодолеть инерционность и рутинность позиций местных руководителей по ключевым вопросам партийной, государственной и хозяйственной работы. Осталась незавершенной дискуссия о соотношении в управленческой работе принципов профессиональной компетентности и «большевистской бдительности».

Ключевые слова: февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) 1937 года; внутриэлитные противоречия; Р. И. Эйхе; региональная номенклатура.

Февральско-мартовский Пленум ЦК партии 1937 г., который безоговорочно рассматривается историками, независимо от их взглядов и предпочтений, как организационно-идеологическое начало государственного террора в СССР, с момента опубликования в журнале «Вопросы истории» в 1993–1995 гг. полного стенографического отчета ежедневных заседаний, стал более доступным историкам для понимания самого феномена Большого террора на стадии его зарождения. Сказанное не снимает, а еще более актуализирует необходимость исследования «эха» Пленума ЦК на региональных уровнях, где некоторое время спустя после московского события под руководством региональных партийных руководителей прошли заседания краевых, областных, городских партийных совещаний, посвященные итогам Пленума. Источниковая база в большинстве случаев позволяет осуществить реконструкцию событий обсуждения Пленума ЦК во «втором», региональном эшелоне власти.

В Новосибирске Пленум Западно-Сибирского крайкома партии состоялся 16–18 марта 1937 г. Стенограмма его трехдневных заседаний сохранилась¹ с той, однако поправкой, что из нее 10 сентября 1937 г. были изъяты тексты выступлений 7-ми участников, в числе которых Ф.П. Грядинский и др. региональные партийные и хозяйственные работники, арестованные к сентябрю 1937 г. Таким образом, из стенограммы было изъято 84 листа. Всего же в обсуждении доклада Эйхе выступили 45 членов Крайкома и приглашенных руководителей региона. За исключением относительно средних по своим номенклатурным должностям лиц, большинство из них оказались репрессированными позднее – с осени 1937 до осени 1938 гг., включая самого Р.И. Эйхе.

Опыт прочтения стенограммы регионального партийного Пленума позволяет поставить и получить ответы на ряд вопросов: в какой мере новосибирское совещание воспроизводило крайне высокую степень напряженности и конфликтности, присущую московскому Пленуму; какие цели и приоритеты выдвигал Эйхе применительно к решению директив Центра на региональном уровне; в какой мере эти цели оказались реализуемыми. Наша рабочая гипотеза заключается в том, что региональный номенклатурный эшелон на тот момент работал еще в инерционном формате, не будучи готовым и способным решать те задачи, которые Центр ставил перед партноменклатурой на местах.

Необходимо отметить, что само положение Р.И. Эйхе, достигшего к началу 1937 г. максимально возможного для регионального деятеля поста в партийной иерархии (кандидат в члены Политбюро) оказалось весьма двойственным: он был и своего рода эмиссаром партийных верхов, и региональным вождем, перед которым присутствовавшие «склоняли головы» и должны были внимать каждому его слову и интонации, улавливать «верхним нюхом», как реагировать на упоминание своей персоны в его выступлении, а также и на реплики, которые Эйхе периодически отпускал в адрес конкретных выступавших. Тем самым формат новосибирских обсуждений словно повторял события московского Пленума.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1–2.

В то же время существовало и резкое отличие в поведении Эйхе в своей «вотчине» от сталинского: региональный лидер выступал одновременно и в роли «наместника Сталина» и в роли каявшегося, «самокритично» оценивавшего свои собственные ошибки и просчеты на посту секретаря крайкома партии. Эйхе искал и, кажется, нашел приемлемый для себя выход из сложившейся ситуации: выступая первым, и задавая тон дальнейшему обсуждению, он вначале отдавал дань «самокритике», осторожно дозируя негативные стороны своей деятельности, но после этого с полным основанием начинал собирать дань с других, взыскивая с них за допущенные ошибки и просчеты, о которых он, безусловно, был достаточно осведомлен, и даже должен был разделять с региональными работниками ответственность за это. Хотя при этом он мало чем рисковал: практически никто из выступавших не отваживался говорить о том, что в своих действиях руководствовался директивами, полученными, как правило, от того же Эйхе.

Другой важный фактор, который определял тональность и динамику выступлений Эйхе на двух подряд длительных заседаниях (кроме Пленума затем был созван и работал новосибирский городской партийный актив, и всего в общей сложности заседания продолжались шесть дней) – это синдром обреченности («кто и когда будет следующим после Бухарина и Рыкова»), начавший формироваться у большинства участников Пленума в Москве, за исключением узкого сталинского окружения. Хотя два выступления на Пленуме (редкий случай) давали ощущение наличия кредита доверия Центра к нему лично, однако Эйхе, как опытный партиец понимал, что все может измениться в одночасье. И это состояние нервозности, неуверенности в своей карьере в будущем прорывалось в Новосибирске в выступлениях Эйхе и его репликах по поводу выступлений других и передавалось аудитории, привыкшей видеть своего лидера более властным и непререкаемым авторитетом.

Вот характерный пример. Эйхе, хотя и тезисно, но достаточно точно передает характер дискуссии на Пленуме вокруг «дела Бухарина и Рыкова» и принятой по ее итогам резолюции. Не сдерживаясь в выражениях, Эйхе клеймит их как «лицемеров и обманщиков» «двурушников» и т. д., добавляя, при этом, что «за время их работы в партии есть больше периодов, когда они боролись с партией, чем, когда они вместе с партией, в ногу дрались за линию партии»². Данная фраза, хотя по своей направленности и негативная, свидетельствует о том, что Эйхе, видимо, не решился полностью зачеркнуть роль соратников Ленина в утверждении большевистского режима. Эйхе также обнародовал в своем партийном кругу направления дискуссии о том, какой должна быть мера возмездия Бухарину и Рыкову, добавив, что большинство участников Пленума были настроены голосовать за расстрельную резолюцию, но эти настроения «погасил» Сталин, предложивший исключить обоих из ЦК партии, а дело передать на рассмотрение НКВД³. В данном изложении Эйхе невольно заложил мысль о том, что настроениями участников можно было мастерски манипулировать, что и продемонстрировал своим выступлением Сталин.

Однако центральное место в своем выступлении Эйхе посвятил предстоящим выборам на основе новой Конституции. Здесь он выдвинул тезис о том, что партийно-советской номенклатуре сверху донизу предстоит «драться» за влияние на массы, навыки чего оказались утрачены, забюрократизированы, тогда как «враги», особенно священнослужители уже «активизировались». Эйхе привел в качестве яркого примера, один из сельсоветов Змеиногорского района, где местный священник пришел к председателю и заявил, что после выборов по новой системе он, священник, может оказаться на этом месте. Далее Эйхе приводит ответ председателя и комментирует его: «А председатель сельсовета ответил ему:

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 14.

³ Там же. Л. 16.

“Пока ты доберешься до [места] председателя, я сумею тебя десять раз посадить”. Но в этом ответе есть очень много опасного, и эта опасность заключается в том, что товарищ думает, что при новых выборах он сумеет удержаться у власти»⁴. Эйхе, описывая данный эпизод, безусловно, будучи опытным аппаратчиком, занял чисто сталинскую позицию («оба плохи») – и поп и сельский активист, который привык управлять угрозами, оба не годятся для управления в новых условиях. Другое дело в том, что за двадцать послереволюционных лет система власти выковала именно такой тип управленца. И Эйхе это понимал лучше, чем кто-либо другой из сидевших в зале участников.

Переходя к ситуации с выборами в спецпоселках, Эйхе излагал перспективы и результаты голосования в крайне негативных тонах, очевидно «сгущая краски». По его оценкам, среди «раскулаченных» полно «матерых врагов», ждущих возможности использовать выборы в своих целях: «Какой лозунг они выдвинули? Чтобы по всем местам расселения кулаков, как меня информировали работники НКВД, чтобы во время выборов ни одного голоса [далее в стенограмме стоит уточнение, по смыслу – не голосовать за коммунистов]»⁵. Тем не менее, и сам Эйхе прекрасно понимал, что именно в спецпоселках, как ни в каком другом месте, коменданты будут держать под контролем и сам выборный процесс, и его итоги, а наличие достаточно разветвленной агентурно-осведомительной сети позволяло «обезвредить» тех, кто мог бы замышлять подобное. В отчете Отдела трудпоселений в начале 1938 г. отмечалось, что для организации выборов в Верховный Совет СССР был мобилизован практически весь штат комендатур, сотрудники которых работали в качестве агитаторов, членов участковых избирательных комиссий, обеспечив явку в 96,7 % к общему числу трудпоселенцев, имевших право голосовать. Ожидавшегося массового протестного голосования в ходе выборов 1937 г. в трудпоселках не происходило, результаты выборов не отличались от тех, что зафиксированы среди «правового» населения⁶. Тем не менее, в умах партийного руководства тех регионов, где имела высокая концентрация ссыльного крестьянства, получившего теперь избирательные права (шахтерские города Кузбасса, Нарымский округ) четко сформировалась позиция, что от этого «спецконтингента» можно ожидать чего угодно.

Выступавший на совещании секретарь Нарымского окружкома партии К.И. Левиц выразил свою обеспокоенность по данному поводу, рассказав о следующем эпизоде: «Я приведу последний яркий пример в отношении трудпоселенцев – бывших кулаков. К нам прислали [кино] картину – доклад товарища Сталина. Все приходили на звуковое кино. Пришли и трудпоселенцы, работавшие в Колпашево. Большинство из них работает на строительстве и пришли они в кино в организованном порядке. В кино были наши агитаторы..., чтобы был партийный глаз во время демонстрации картины. Во время картины присутствующие выражают свои чувства аплодисментами. И вот на этом сеансе мы столкнулись с таким явлением, что сплошная масса, несколько сот человек, занимавших середину [зала] не аплодировали совершенно. Этот момент уже сам по себе показывает то, о чем здесь уже говорили выступавшие товарищи»⁷.

Помимо «больной» темы поведения ссыльного крестьянства, Р. Эйхе обозначил еще одну группу населения, представлявшую для номенклатуры потенциальную опасность. Данный сюжет Эйхе озвучил еще в ходе своего выступления в Москве, на Пленуме где он привел данные о масштабах исключенных и выбывших из партии по региону за одиннадцать лет: «[...] мы встретимся также во время выборной борьбы с остатками врагов, и надо

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Сб-к документов. Новосибирск: ЭКОР, 1994. С. 231.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп.2. Д. 839. Т. 2. Л. 87.

изучить сейчас и ясно себе уяснить с какими врагами нам придется встретиться, где эти очаги врагов. Это важнейшая задача.

В частности, мы взяли и подсчитали, сколько у нас людей с 1926 г. выбыло и исключено из партии. Я не хочу сказать, что все эти исключенные или вышедшие из партии являются врагами. Большой процент среди них людей, которые не только не являются врагами, а преданы партии, преданы Советской власти. Но есть немалое количество среди этих людей врагов. И вот какое соотношение получается у нас по краю: если взять исключенных и выбывших из партии, то за 11 лет из партии выбыло и исключено 93 тыс. человек. (Гамарник. Сколько?) 93 тыс. человек. (Гамарник. Ого!) А в партии у нас сейчас 44 тысячи коммунистов... (Голос с места. Это за 10 лет?) т. е. в два с лишним раза больше людей, которые прошли через партию за эти годы!

[...] Я лично проверил положение на одном из предприятий, в крупном депо Топки исключенных и выбывших из партии больше, чем членов партии. Настроения среди этих людей самые разные. Я говорю, что есть много людей, которые преданы нам, прекрасно работают и будут бороться за линию партии, но среди исключенных есть немало прямых врагов партии. Они побыли в партии, получили некоторые политические навыки и будут пытаться использовать их против нас. Этого недоучитывать нельзя⁸. В Новосибирске Эйхе также упомянул об этих цифрах⁹.

Не обошел Эйхе вниманием и острую проблему охвата агитацией и пропагандой своего рода «дисперсных» категорий избирателей (женщины – домохозяйки, кустари и ремесленники): «Оставить их в таком положении, без агитации это значит отдать их для врага [...] Наша агитация – это отбывание повинности, это казенное губошлепство, а не большевистская агитация»¹⁰. Между тем, сам Эйхе прекрасно знал, что проблема вовлечения в избирательный процесс «распыленных» групп населения стояла еще с начала 1920-х гг., и с того времени ничего радикального большевики не добились – записать эти группы в свой «актив» им не удалось. Более того, распространенный в этой среде абсентеизм всегда был на руку большевикам, и с этим во многом связывалась агитационная «вялость» Агитпропа, и изменить ситуацию в короткие сроки просто не представлялось возможным. Хотя именно это обстоятельство и нервировало регионального лидера – «а вдруг?».

Переходя от работ с массами к проблемам внутривнутрипартийным, Эйхе резко «повысил тон», особенно уже не сдерживая себя в оценках ситуации с «внутрипартийной демократией» как критической. Очевидно, что именно здесь коренились болезни власти уже не просто острые, а хронические. Непрерывные нарушения партийного Устава там, где он должен был быть принят к неукоснительному исполнению, сопровождали собственно партийное строительство все годы нахождения партии у власти. Текучесть кадров партийных секретарей на разных уровнях функционирования партийной машины, особенно среди низшего и среднего звена, порождала феномен кооптирования, т. е. нарушения процедуры выборности и подмены ее назначенчеством. Эйхе привел цифры того, что во втором полугодии 1936 г. в крае сменилось 612 секретарей первичных парторганизаций, из них только 17 % освобождались от должностей в ходе перевыборов, т. е. согласно Устава, причем 25 % снимались с постов вышестоящими органами, т. е. с нарушением Устава. Правда, здесь Эйхе вдруг придал оценке кооптирования, т. е. назначению без выборов, достаточно зловещий смысл: «Если присмотреться к тому, кого кооптировали, то

⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5.

⁹ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 81.

¹⁰ Там же. Л. 26.

оказывается, что в большинстве случаев кооптировали людей, которые при нормальных выборах не прошли бы в выборный орган [...] иногда это подлые, самые заклятые враги»¹¹.

Нарушения принципа коллективного руководства приобрели характер обыденности: месяцами не собирались заседания бюро райкомов, решения принимались секретарем, максимум двумя – тремя людьми. Особенно Эйхе акцентировал внимание присутствовавших на то, что в Ленинск-Кузнецке во второй половине 1936 г. актив не собирался вообще: «Важнейшее политическое событие, которое нужно было обсудить [Кемеровский процесс над «вредителями» – С.К.] [...] мобилизовать бдительность людей [...] даже не собрали актив»¹². Обозначив эти болевые точки организационно-партийной работы как недопустимо запущенный участок, что привело к разрыву связей между партийной массой и руководителями, Эйхе, как и в случае с новой системой выборов в советские органы, обозначил установку февральско-мартовского Пленума на то, что теперь и выборы партийных органов снизу доверху должны производиться путем тайного голосования¹³.

Однако все предыдущие фрагменты речи Эйхе были лишь прологом к рассмотрению вопроса о «вредительстве». Поскольку в партийной резолюции по данному вопросу упоминались в ряду «вопиющих» фактов положение на предприятиях Кузбасса и Томской железной дороге, то здесь речь регионального лидера оказалась наиболее продолжительной и вполне конкретной. Он приводил конкретные случаи, называл конкретные фамилии руководителей, либо уже подвергшихся репрессиям, либо, по сути, ожидавших своей очереди. Если проводить списочное сравнение тех, кого в этой части речи Эйхе упомянул в негативном плане как «не видящих вредительства», со списком тех, кто с лета – осени 1937 г. подвергся репрессиям, то практически эти списки совпадают. Впрочем, далее в своей речи Эйхе сделал очень примечательный ход. Он обозначил «другой тип хозяйственников», которые свою бездеятельность и некомпетентность «сваливают на вредительство»: «Чем это скверно? Это мешает нам видеть нашу плохую работу. Это, в конце концов, служит другой стороной той же медали. Или не видеть вредительства, или все сваливать на вредительство. Оба типа руководителей – гнилые люди, не наши люди»¹⁴. В выступлении Эйхе прозвучала вполне рациональная мысль о том, что если проводить «борьбу с вредительством» как очередную кампанию всеобщих поисков «вредителей», то тогда создается атмосфера всеобщей подозрительности, при которой рабочие будут подозревать управленцев и инженеров во «вредительстве», коммунисты – управленцев и т. д., и тем самым становится совершенно непонятно, почему и как происходят срывы на производстве – «из-за нашего ли руководства или из-за действий вредителей»¹⁵.

Далее Эйхе пошел по проторенной на Пленуме в Москве дороге. Именно на Пленуме был поднят вопрос о том, почему же сами хозяйственные руководители практически не «сигнализировали» в НКВД о фактах «вредительства», теперь уже Эйхе переадресовал это своей, сибирской аудитории: «[...] почти нет случаев, когда хозяйственник пришел бы в НКВД и заявил: вот имеются такие-то факты [...] причем вредительство исходит от такого-то человека. Расследуйте. Ведь таких фактов почти нет. Ни один хозяйственник, ни один советский руководитель таких фактов в НКВД не дал»¹⁶. На реплику директора Кузнецкого металлургического комбината К. И. Бутенко о том, что он «сигнализировал» о таком случае, Эйхе достаточно хладнокровно ответил так, что это действительно единичный случай:

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 30.

¹² Там же. Л. 32–33.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 39–40.

¹⁵ Там же. Л. 43.

¹⁶ Там же. Л. 44.

«Скверно то, что у нас нет такой работы, где хозяйственник сам выявлял бы вредительство и пришел бы в НКВД [...] и помог бы вскрыть вредительство»¹⁷.

В целом же, если проследить логику выступления Эйхе о «вредительстве», то в нем практически воспроизводилась структура соответствующего выступления Сталина на Пленуме. И это не случайно. Формат выступления регионального руководителя и не предполагал иного, поскольку его задача была в том, чтобы адекватно, не допуская особенных импровизаций, донести сталинские директивы до руководителей регионального уровня и ниже стоявших номенклатурных работников. В то же время Эйхе находился в роли эмиссара Центра, и должен был соответствовать образу полпреда Сталина. Но именно эта ролевая функция создавала для Эйхе противоречивую ситуацию. Быть просто транслятором директив он не мог, хотя бы потому, что на Пленуме ЦК все критические выпады имели своими адресатами именно региональных партийных лидеров. То, что в арсенале последних имелся испытанный технологический ход – спускать критику на подчиненные им круги местной номенклатуры с задачей отыскать тех, «кто виноват» – но при этом оставался открытым вопрос «что делать». Как в короткий срок – а Эйхе понимал, что речь может идти о нескольких месяцах – решить и «выправить» те застарелые и практически не решаемые проблемы с повышением уровня управляемости регионом, уровнем квалификации партийно-советских и хозяйственных кадров, повышения их авторитетности и репутации среди масс трудящихся и т. д.?

Плацдармом, избранным Эйхе, с опорой на который он мог быть и далее требовательным региональным наместником, становилось покаяние. Он сам должен был «самокритично» признать свою вину за допущенные в регионе промахи и просчеты. Первый шаг: признание своей вины за ошибочные кадровые решения («грубейшая ошибка Крайкома, в частности, и моя, как первого секретаря Крайкома») ¹⁸. В продолжение этого далее Эйхе назвал второе упущение – утрата важности партийно-политической работы с массами: «Мы увлеклись хозяйственными успехами, и у нас царит хозяйственная текучка в нашей работе. Если разделить на проценты, то три четверти уходит на хозяйственную текучку. Я взял один день и подсчитал входящие телеграммы и бумаги, подавляющее большинство, процентов 95–97, это бумаги от секретарей райкомов по таким текущим вопросам, о которых писать нельзя было. Тут пишут, что не выплачено жалование МТС, там пишут, что нет наряда на горючее, и таким образом загружают нас. Наша вина в том, что мы это воспринимали и превращали кабинет секретаря Крайкома в кабинет второго заведующего КрайЗУ, который решает хозяйственные вопросы. Отсюда идет потеря у наших районных работников вкуса партийной работы. Отсюда вторая крупнейшая болезнь – недооценка [партийно-политической] работы» ¹⁹.

Не был обойден в качестве «больного» и вопрос о «рапортомании», восхвалении руководства, по поводу и без повода: «Не могу не сказать о том, как мы внедряем большевистскую скромность, и в отношении меня допускаются нетерпимые факты, с которыми я не вел должной борьбы [...] Я взял статью [«Советской Сибири»] – корреспонденцию из Сталинска по поводу моего пребывания там. Вообще, что за мировое событие, что секретарь Крайкома приехал в Сталинск? Это его обязанность, его работа и нечего по этому поводу писать многостраничные корреспонденции. Но вот как изображают это дело: сплошны рукопожатия, раз двадцать в этой корреспонденции говорится о том, что

¹⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 59.

¹⁹ Там же. Л. 62.

тов. Эйхе [...] ровно в 16 часов был там-то, тов. Эйхе здоровался с тем-то, тов. Эйхе пожал руку тому-то [...]. Моя вина в том, что я эти вещи не замечал, отпора не давал»²⁰.

Маневр Эйхе с «самокритикой» в сложившейся тогда ситуации следует признать относительно успешным. Оказалась выполненной главная задача (покаяние и признание того, чего не признавать было нельзя, включая сформировавшийся не без его участия культ регионального вождя), после чего Эйхе мог вновь возвращаться к роли вождя, который далее владел аудиторией, отпускал реплики, давал оценки выступавшим за ним следом. Среди выступивших затем 45 чел. (это почти половина состава членов пленума Крайкома) четко прослеживалась модель: вначале следовала основная часть («самокритика»), после чего в завершении говорилось о том, как и каким путем изжить, преодолеть собственные допущенные «ошибки». Скорее следует отметить лишь некоторых из числа хозяйственных работников, которые не облекали острые вопросы в идеолого-политическую оболочку, а говорили о реальных проблемах экономики и о границах своих возможностей в решении поставленных перед ними задач. Таким, в частности, стала речь К.И. Бутенко, с 1934 г. сменившего С.М. Франкфурта на посту директора Кузнецкого металлургического комбината, отвечавшего за самое крупное производство в регионе.

Отвечая на упрек в том, что не только партийные, но и хозяйственные руководители утрачивают «связь с массами», адресованный Эйхе всем присутствовавшим, Бутенко достаточно четко указал, что на то имелись и объективные условия, поскольку на все хозяйственные управленческие должности – от начальников участков, цехов и др. люди «ставились на эти должности и продолжают, конечно, ставиться, по приказу, по назначению»²¹. Едва ли не редкий в общем ряду выступавших, он поднял вопрос о том, чтобы не допускать «перегибов» в ходе кампании «бдительности» «и выявлении вредительства: «Я здесь подавал реплику, чтобы не было у нас перегиба [...] Роберт Индрикович правильно критиковал меня, что я недостаточно остро ставил вопрос и иногда жалел некоторых квалифицированных работников, но политически ненадежных людей [...] Надо были их [...] и заменять, может быть несколько и менее квалифицированными, но абсолютно честными людьми». Однако далее Бутенко поведал о том, что происходило на заводе, когда во время чистки и смены партийных документов, которую проводила комиссия Крайкома вместе с инструктором ЦК Самойловым, под исключение попал ряд молодых инженеров – коммунистов, в отношении которых Бутенко посчитал, что оснований для этого нет: «Тогда тов. Самойлов сказал в присутствии бригады Крайкома: знаешь, Бутенко, ты, видимо, политически неопытный человек. Лучше перегнуть палку, чем не догнуть [...] Причем тов. Самойлов мотивировал эти слова тем, что если мы хорошего выгоним, так он подаст заявление, и все-таки восстановят этого человека. А барахло отсеется». Бутенко в конечном счете добился отмены их исключения из партии, и, рассказав об этом эпизоде заметил, что всегда надо думать об «обратной стороне медали, потому что ретивые люди будут стараться [...] [считая – С.К.], что перегиб менее опасен, чем недогиб»²². Впрочем, сам К. И. Бутенко через несколько месяцев испытал на себе ту технологию, которую справедливо отрицал: в январе 1938 г. он был переведен из Сибири в Москву на пост заместителя наркома тяжелой промышленности, однако уже весной того же года будет арестован и вскоре расстрелян.

Выступивший на следующий день секретарь горкома Сталинска (Новокузнецка) Г.О. Булат не мог не коснуться речи директора металлургического комбината: «Я очень уважаю тов. Бутенко как коммуниста, как директора [...] Но мне кажется, что и мне, как

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 73.

²¹ Там же. Л. 149.

²² Там же. Л. 151–152.

секретарю горкома и тов. Бутенко как директору завода, сейчас на положение на заводе надо посмотреть другими глазами, чем это тов. Бутенко указал во вчерашней своей речи. Безусловно мы много сволочи выгнали с завода. Но разве речь идет о перечислении выгнанной сволочи? Нет, сейчас идет речь о другом, чтобы еще более насторожиться – а где у нас тонко, где может разорваться, не сидит ли где у нас какая сволочь. Нельзя думать, что вредить будут только члены партии, люди с партийным билетом. Это нам опаснее, потому что он замаскирован партийным билетом, его труднее выявить. Но это не значит, что не будут вредить люди с прошлым. Эти люди будут сидеть на работе, эти люди создают определенное окружение для коммунистов»²³.

Суть разногласий между Бутенко и Булатом можно представить как разницу во взглядах партийного работника, который жестко следовал менявшимся партийным директивам, не особенно критически к ним относившись (нужна тотальная «зачистка» производства от «вредителей», соответственно, каждый, в особенности с «темным» прошлым, должен быть под подозрением, даже если он – профессионал и с полной отдачей трудится в своей должности), и позицией Бутенко, считавшего, что всякого ценного работника следует оберегать от подозрений и нападков (бдительность не должна служить фактором разрушения и дезорганизации на сложнейшем производстве). Булат: «Может случиться, тов. Бутенко, что партия передвинет тебя с Кузнецкого завода на Магнитогорский завод. Может быть, ты их держишь в руках, а где гарантия, что если Крайком пришлет [какого-нибудь] Иванова, он тоже будет держать их в руках. Речь идет о том, чтобы избавляться от этих людей, ставить на их место надежных людей. Не в том дело, сколько килограмм[ов] технических знаний [...] Надо взять людей, которые преданы партии [...]»²⁴. Сам Булат, хотя и достаточно горячо занимался «самокритикой», но при этом нашел достаточно безопасный маневр, чтобы уйти от предметной критике работы самого Крайкома, к чему призвал аудиторию лично Эйхе: «Если говорить о критике работы Крайкома партии, я должен сказать, что тов. Эйхе подверг [сам ее] такой резкой критике, что мне нечего к этому добавить»²⁵. И здесь Булат был прав, придерживаясь правил корпоративного поведения – не «замахиваться на первое лицо», а поддержать то, о чем оно (лицо) посчитало нужным сказать. Судьба Р.О. Булата сложилась так, что из-за длительной затяжной болезни он должен был покинуть партийную работу, тем самым пережив Большой террор.

То, что в своем выступлении Бутенко затронул практически ключевую проблему о том, что каждая массовая кампания, особенно сопровождавшаяся кадровыми «чистками», порождала, как правило, «перегибы», и в оценках работы специалистов на заводе следует делать акцент на их профессиональных качествах, свидетельствует тот факт, что на речи Бутенко специально остановился Эйхе в своем заключительном слове на Пленуме: «Вот выступал тов. Бутенко. У него было неплохое выступление, кроме одного момента. Ну разве можно, тов. Бутенко, нам противопоставить сейчас или – или: или техник, или хороший, прозорливый, закаленный большевик. У нас сейчас имеются кадры, наши кадры большевиков с партийным билетом, и большевики без партийного билета, овладевшие техникой. И у нас не может быть такой установки – или – или [...] Эти качества должны сочетаться у наших техников, у наших инженеров, у наших командиров транспорта, связи, промышленности и сельского хозяйства»²⁶.

Подводя итоги Пленума в Новосибирске Р.И. Эйхе откровенно не скрывал своей досады, так как обсуждение не внесло ясности ни по одному из острейших вопросов

²³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 838. Т. 1. Л. 213.

²⁴ Там же. Л. 214.

²⁵ Там же. Л. 215.

²⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп.2. Д. 839. Т. 2. Л. 175.

ситуации с положением в партии на местах. Нервозность и неуверенность номенклатуры в завтрашнем дне рождала в этих кругах лишь конформистское поведение. Приведем несколько оценок, данных Р. Эйхе: «Несколько слов относительно самокритики. Я не могу сказать, что на этом пленуме самокритика развернулась так, как она должна развернуться. Чувствовалось, что некоторые товарищи занимались самокритикой [...] так, для формальности. [...] Слушая прения, которые здесь проходили, мы не видим острой критики недостатков Крайкома. А возьмите такой вопрос, как мания переименования колхозов, этого никто не коснулся. Я в своем докладе не касался, а сколько, например, переименовали колхозов моим именем, именем Грядинского? Это же мания переименования»²⁷. Завершил Р.И. Эйхе свое выступление «дежурными» призывами «беспощадно вскрывать и выкорчевывать все наши недостатки»²⁸. Но – кому и с какими кадрами?

О том, в каком состоянии и каким потенциалом обладала региональная парторганизация в Западной Сибири весной 1937 г., можно судить по достаточно строгим данным партийной статистики, опубликованной в ведомственном порядке «только» для делегатов III краевой партконференции, прошедшей в Новосибирске с 1 по 7 июня 1937 г.²⁹. Хронологически данные охватывают динамику состава региональной организации в промежутке между январем 1934 г. (предыдущая краевая конференция) и весной 1937 г. За этот период численность парторганизации претерпела значительные изменения, уменьшившись более чем вдвое, с 98,4 до 43,6 тыс. чел., прежде всего за счет выделения из региона как самостоятельных территорий Красноярского края и Омской области (15 тыс.), а также за счет исключения из партии и перевода в разряд сочувствующих (26 тыс.); прочие – это выехавшие из края коммунисты³⁰. В составе коммунистов края по партийному стажу доля вступивших в партию за период 1917–1919 гг. составляла 5,2 %; наиболее значительное число членов партии вступили в нее в 1928–1930 гг. (25 %) и с 1931 по 1936 гг. (35%) Это свидетельствовало о том, что почти 2/3 организации составляли партийцы «сталинского призыва», с начала периода «Великого Перелома», причем за счет вступления в партию прежде всего сельских активистов.

Это очень четко прослеживалось на составе парторганизации по образовательному признаку: на начало 1937 г. среди коммунистов доля имевших высшее и неполное высшее образование составляла 6,7 %, тогда как лиц с начальным образованием и просто грамотных насчитывалось 76,6 %³¹. Общий, достаточно низкий образовательный уровень коммунистов отражался и на характеристиках руководящих партийных кадров: среди секретарей райкомов, горкомов партии и их заместителей доля коммунистов с высшим образованием насчитывала 6,8 %, тогда как с низшим – 64,6 %³². По стажу работы в партийных органах прослойка номенклатуры с опытом руководящей работы до трех лет составила около 20 %, со стажем от трех до пяти лет таковых насчитывалось 25 %, и это означало, что почти половина номенклатурных работников районного и городского звеньев имели небольшой опыт партийного руководства, то есть были по профессиональным меркам «начинающими», что свидетельствовало о высокой кадровой мобильности, хотя это же можно считать признаками неустойчивости номенклатурного корпуса.

²⁷ ГАНО. Ф. П -3. Оп.2. Д. 839. Т. 2. Л. 197–198.

²⁸ Там же. Л. 198.

²⁹ Состав Западно-Сибирской краевой парторганизации (материалы к III краевой партконференции). Новосибирск, 1937.

³⁰ Там же. С. 3.

³¹ Там же. С. 4.

³² Там же. С. 7.

Наиболее же радикальные сдвиги в сменяемости кадров произошли весной 1937 г., когда парторганы пополнялись по новой выборной системе, т. е. на основе тайного голосования. Состав парторгов и секретарей парткомов первичных организаций обновился на 40 %. Здесь также могут быть различные трактовки: Крайком считал, что тем самым идет обновление кадров и укрепляется низовой партийный аппарат (показатель того, какие крупные резервы открылись для выдвижения)³³, однако это мог быть и показатель возросшей в 1937 г. текучести номенклатуры. Из партийной статистики при всей осторожности подхода к критериям «отсева», исключения из партийных рядов (а доля таковых достигла 15 % от числа коммунистов края), следует остановиться на доле в составе исключенных тех, кого сочли «аферистами и жуликами, морально и в быту разложившимися»: она составила 26 процентов³⁴. Отмеченное может рассматриваться как некоторая тенденция, проявлявшая себя с периода конца 1920-х гг., когда в связи с масштабным расширением рядов партии («сталинский призыв») сюда устремились далеко не «лучшие люди», а «чистки» членов партии, проходившие с периодичностью в три – четыре года и дававшие «отсев» в 15–20 %, только увеличивали число бывших членов партии и, тем самым, усиливали в партийном руководстве ощущение угрозы «пятой колонны». Приведенная статистика свидетельствовала о том, что сам Эйхе и его ближайшее окружение не чувствовали уверенности в своей кадровой опоре, и это увеличивало нервозность их действий и решений.

Прочтение стенограммы заседаний Западно-Сибирского крайкома партии с обсуждением решений февральско-мартовского Пленума ЦК позволяет дать ряд оценок, которые могут оказаться как типичными для регионов, так и имевшими свою специфику (для этого, безусловно, необходимо сравнение «новосибирских» обсуждений с другими региональными). Первое, и очевидное характерное свойство регионального «эха» Пленума, состояло в том, что здесь ядром выступали как опубликованные, так и секретные резолюции партийного Центра, т. е. решалась задача информационно-осведомительного характера, но с обязательным «приземлением» на региональную «почву». Данный механизм был отработан многократно и не должен был принести особых событий, если бы не одно обстоятельство. На этот раз региональная номенклатура испытала мощное социальное и психологическое напряжение: еще не «переварив» первые два «Больших Московских процесса» становилось понятным, что масштабные репрессии только начинаются, о чем свидетельствовали два очевидных посыла («дело Бухарина – Рыкова» и новая мощная заявленная руководством кампания «искоренения вредительства» на всех ступенях власти). Второй мощный импульс напряженности для номенклатуры состоял в обозначении, как тогда казалось, реальной угрозы для номенклатуры всех уровней, пройти через выборы в новых условиях, когда формально отменялись ограничения для участия в выборах, существовавшие ранее (лишение избирательных прав для потенциально или реально опасных для власти групп населения).

И если первый уровень угрозы касался достаточно привычной, повседневной и в чем-то рутинной номенклатурной жизни (бдительности, постоянной, согласно директив, борьбы с различными «уклонистами, двурушниками» и т. д.), где уже были выработаны, как казалось многим, защитные адаптационные, поведенческие механизмы, то ко второму уровню угрозы («отрыв от масс») и опасности остаться наедине с зачастую враждебно настроенными к номенклатуре группами населения, и, что еще казалось более нелепым и непривычным, вдруг оказаться в какой-то зависимости от их массового поведения, чем потенциально могли обернуться «свободные выборы» в органы власти, номенклатурные работники оказывались ментально мало подготовленными. Приведенные выше данные партийной статистики

³³ Состав Западно-Сибирской краевой парторганизации (материалы к III краевой партконференции). Новосибирск, 1937. С. 14.

³⁴ Там же. С. 13–14.

свидетельствовали о том, что не только парработники нижнего звена (секретари первичных организаций), но и собственно руководящий состав, находился в глубоком кризисе: слабая мобильность (несменяемость) верхних звеньев контрастировала с высокой текучестью среднего звена, а выдвиженчество не давало необходимого качества (небольшой стаж руководящей работы и низкий образовательный уровень нового пополнения). Массовый террор, начавшийся летом 1937 г., не решал проблем партийной жизнедеятельности, а радикально их усугубил, ударив по всей вертикали власти в стране.

Литература

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 3–29.

Состав Западно-Сибирской краевой парторганизации (материалы к III краевой партконференции). Новосибирск, 1937. 35 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Сб-к документов. Новосибирск: ЭКОР, 1994. 310 с.

References

Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma CK VKP(b) 1937 g. [Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 1937] // Voprosy istorii. 1993. № 6. S. 3–29.

Sostav Zapadno-Sibirskoj kraevoj partorganizacii (materialy k III kraevoj partkonferencii) [The composition of the West Siberian regional party organization (materials for the III regional party conference)]. Novosibirsk, 1937. 35 s.

Specpereselency v Zapadnoj Sibiri. 1933–1938 gg. [Exile settlers in Western Siberia. 1933–1938] Sb-k dokumentov. Novosibirsk: JeKOR, 1994. 310 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2019 г.